

В БАРСЕЛОНУ мы прилетели в девять вечера, а через час город задрожал от автомобильных клаксонов. Окончился футбольный матч, местная команда, которую тут ласково-уменьшительно называют «Барса», одержала победу над мадридской. Все сорок лет франкистской диктатуры футбол культивировался как аполитичное зрелище, способное отвлечь людей от больших проблем, дать выход эмоциям. Но в тот вечер ликование барселонцев имело прямую политический смысл. Барселона, столица Каталонии, самой развитой в промышленном отношении области Испании, все годы франкизма находилась под жесточайшим политическим гнетом. Культура Каталонии, богатая многовековыми традициями, оказалась в опале, сам каталонский язык — под запретом.

БАРСЕЛОНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Когда, рассказывают испанцы, создавали первую после многолетнего перерыва газету на каталонском языке, Кадо не могли найти для нее корректоров — каталонский язык в школах не преподавался. Сейчас положение изменилось. Каталония добилась автономии, у нее свое правительство. И в области культуры произошли изменения. Но и по сей день вспыхивающее время от времени стихийное самовыражение людей, вроде этого «футбольного» восторга, свидетельствует о том, что национальный вопрос еще жив.

Ликующая перекличка автомобильных сирен не смолкала допоздна. В полночь мы вышли на Рамблас. Бульвар, идущий от центра города — площадь Каталонии, к морю, загрохотав народом. Толпа наэлектризована. В основном это молодежь, у некоторых в руках бутылки с кока-колой или оранжадом, каталонские национальные флажки. Толпа распадается на отдельные кружки: подкакивая на месте, люди выкрикивают: «Барса!» «Барса!» Нечастые в этот поздний час машины, сворачивая на Рамблас, застревают в толпе. Есть тут и полицейские. Но ведут себя они крайне сдержанно, явно опасаясь дать повод к инцидентам.

Испанская толпа вообще явление своеобразное: она нетороплива, степенна. И к этой толпе на Рамблас никак не подходит выражение «бульварная беспорядки». Хотя случаются здесь и такие. Несколько месяцев назад каждый вечер в половине восьмого центральные улицы заполнялись, начинались стычки, переворачивали автобусы, поджигали машины.

Та беспорядки были спровоцированы и оплачивались сенсорами, которые сами нося на улице не высказывали, — рассказывает молодой парень, с которым мы заговорили в толпе. — Ведь такие беспорядки легко подавить и при этом можно утверждать, что, мол, видите, Франко нет, и теперь царит хаос. Но у нас есть опыт организованной борьбы. Вот сейчас, например, в Барселоне уже несколько дней бастуют все издательства и типографии, видите, даже книги не продают, специальные пикетчики следят за порядком, разрешено продавать только газеты и журналы.

Вдоль Рамблас, до самого моря, тянутся книжные киоски, которые в обычное время толпятся далеко за полночь. Од-

нако сегодня они выглядят необычно: большие полотнояные шторы, освещенные изнутри, задернуты, наружу выставлены только лотки с газетами и журналами.

— Так что, если хозяева не согласятся с нашими требованиями, — продолжает наш собеседник, — день Сан Жорди в этом году будет скучным, книг дарить не смогут.

Издана в Барселоне существует обычай — в день Сан Жорди (святого Георгия — покровителя Барселоны) обязательно дарить женщине — сестре, жене, матери, подруге — книгу и розу. Эта красивая традиция возникла в Барселоне не случайно. Барселона — центр книгоиздательской империи, здесь сосредоточены крупнейшие издательства Испании, многие из них большую часть тиражей продают в странах Латинской Америки. Здесь, в Барселоне, издаются свои книги и латиноамериканские писатели, мастера испаноязычной литературы: Габриэль Гарсиа Маркес, Хулио Кортасар, Баргас Льюса, Каоло Фуантес. В 1976 году бестселлером была книга «Воспоминания» Пабло Неруды. Крупнейшие литературные курсы наряду с произведениями испанских авторов рассматривают и написанные на испанском языке книги латиноамериканских писателей. В этом году лауреатом премии Сервантеса стал выдающийся кубинский писатель Алох Карпентер. Издаются и советские писатели: проза М. Шолохова, К. Симонова, В. Шкловского, Ч. Айтматова, В. Тендрякова, Ю. Семенова и многих других. В переводе сейчас книги Ю. Трифонова, В. Распутина, Б. Окуджавы. Поэтам повезло меньше, их, как правило, переводят свободным стихом, и все-таки: собрания сочинений Ештуненко, сборник Вознесенского, «Сонеты» Расула Гамзатова, антология современной советской поэзии, составленная Риммой Казиковой. За всем этим — огромный труд переводчиков, для которых это не просто профессия, но дело и любовь всей жизни. Многие из них начали заниматься переводом русской и советской литературы давно, двадцать лет назад, возвратившись на родину из Советского Союза. Тогда перевод советской литературы рассматривался властями не как литературное занятие, а как опасная политическая деятельность.

— Последнее время мы живем довольно спокойно, делаем свое дело, — рассказывает Елена Видаль, переводчик и сотрудник литературного агентства АЛЗ, занимающегося пропагандой советской литературы. — А ведь совсем недавно это было довольно опасное занятие, сколько раз наше агентство громили. Да вот посмотрите, видите этого человека?

Мы вышли из агентства и проходили мимо стеклянной витрины бара. За стойкой немолчаливый вид пива.

— Это наш местный фашист. Во время последнего налета, помню, он особенно усердствовал бил стекла в нашем агентстве.

Отец Елены, Аугусто Видаль, один из тех, кто двадцать лет назад начинал трудное дело. Он вместе с женой Акилиной основал агентство, собрав энтузиастов, пропагандистов русской и советской культуры, и переводил сам, работая по шестнадцать часов в сутки —

иначе не прокормить семью, две дочери были еще маленькими. Он умер в 1976 году. На письменном столе в его комнате во всю длину стола два ряда плотно стоящих друг к другу книг — только его переводы: Достоевский, Чехов, Горький, Айтматов...

Другой человек, стоявший у истоков этого дела, — Викторiano Имберт. Он окончил Московский университет, филологический факультет, и, возвратившись на родину, тоже занялся переводом. Переводить он может только в свободные от службы часы — в Испании переводом на хлеб не заработаешь. Теперь он — признанный в стране мастер, с его мнением при отборе литературы считаются крупные издательства, а в 1976 году он стал лауреатом премии А. М. Горького, которую Союз писателей СССР присуждает за лучшие переводы советской литературы.

Хосе Мария Гуэль не жил в

этом старинном доме нашел убежище поэт и политический деятель Дионисио Ридрухо, один из первых оппонентов франкистского режима, сам вышедший из его недр, один из создателей франкистской фаланги и автор ее гимна, затем перешедший на сторону антифранкистской оппозиции. Вспоминая Х. Р. Масоливера, в своих «Пяти мемуарах» Ридрухо пишет о нем как о человеке неистощимой энергии и огромного обаяния, оказавшем большое влияние на эволюцию его мировоззрения.

С особым вниманием и симпатией Х. Р. Масоливер, один из наиболее уважаемых в Испании литературных критиков, вице-президент Международной ассоциации литературных критиков, относится к нашей культуре. Задолго до смерти Франко, когда еще не существовало нормальных отношений между нашими странами, он был инициатором творче-

ского «круглый стол», проведенный в Москве и Мадриде, ряд публикаций наших книг в Испании и испанских в СССР, совместная работа переводчиков и издателей и т. д.

На заседание сената нас пригласил сенатор от Каталонии Хосе Антонио Байшера Састре, адвокат и писатель. В декабре прошлого года Хосе Антонио, приехав в качестве гостя Союза писателей в Москву, был принят в Верховном Совете СССР и присутствовал на его сессии. Х. А. Байшера — член комиссии по разработке новой испанской конституции, и в Советском Союзе он особенно интересовался тем, как решены у нас национальные проблемы — прежде всего в области просвещения и культуры. И вот теперь он пригласил нас на заседание сената, который после многолетнего перерыва был восстановлен вслед за выборами 15 мая прошлого года. Х. А. Байшера — один из тех, кто

всякому, даже побывавшему в стране с коротким визитом. Сейчас наряду со здоровыми и закономерными проявлениями творческой свободы выражения в Испании хлынула и волна порнографии. Теперь почти ни один журнал не обходится без голых красок на обложке. Некоторые же, наиболее «переводные», даже завели постоянный раздел «Здоровье и секс», где печатаются анекдоты по поводу последних «достижений» в сексуальной жизни за рубежом.

Газеты пестрят киноанонсами вроде «Нахонец-то! Настоящий эротический фильм в Испании!» или «Юный супруг брошен молодой женой в первую же брачную ночь, но находит утешение в объятиях тещи, которая знала толк в таких делах». На афишах названия: «Эмманюэль», «Запретный Декамерон», «Возбуждение», «Механическая постель», «Азбука сексуальности», «Танго матрасов» и т. п. Все эти названия взяты из списка фильмов, которые прокатываются фирмой «Фариса-фильм».

Коснулось это поветрие и театра. Даже появился новый термин — «дестап», что означает «эрекция», в котором роли исполняют обнаженные актеры.

И в то же время в репертуаре мадридских театров не было ни одной пьесы современных драматургов Испании.

— Профессиональный театр сейчас переживает трудную пору. Средства, отпускаемые государством на нужды культуры, мизерны. А театр, серьезный театр, требует определенных затрат — и времени, и денег. Разумеется, шоу с развлекательными постановками гораздо проще.

Озабоченность положением театра, которую высказал Антонио Буэро Вальехо, крупнейший испанский драматург и, можно смело сказать, сегодня один из самых значительных драматургов Европы (у нас, во МХАТе, уже несколько лет идет его пьеса «Сон разума»), в прошлом году вышел сборник его пьес в издательстве «Искусство», имеет все основания. В Барселоне нам довелось разговаривать с одним из наиболее значительных режиссеров Испании — Рикардо Сальвадором. Он начал режиссировать пьесы Айтматова и Мухомеджанова «Восхождение на Фудзияму», но вынужден был предрезать репетиции — у труппы не было помещения. Сам А. Буэро Вальехо ждет сейчас премьеры своей новой пьесы, но состоит она не в Мадриде, а в Варшаве, в постановке Андреса Вайды.

Остались позади и столица, и Барселона с их проблемами театальной и литературной жизни, а впереди другая Испания. Есть Испания, откровенная по последнему слову техники и с учетом всех требований современного комфорта: там, где пролегают туристские маршруты, — с гостиницами и пансионатами, ресторанами и санк-барми на все вкусы и на любой карман (от немиссимо роскошного до очень скромного). И в стороне от туристских путей — Испания суровая и патриархальная: с белыми селениями, лепящимися на выжженных склонах, и маленькими живописными городками, где каждый знает все о каждом и где под вечер мирно гуляют по центральным улицам целыми семьями. Здесь формула новых, демократических веяний проще и понятней: кто будет избран на муниципальных выборах, которые последний раз проводились сорок пять лет назад?

Остались позади и столица, и Барселона с их проблемами театальной и литературной жизни, а впереди другая Испания. Есть Испания, откровенная по последнему слову техники и с учетом всех требований современного комфорта: там, где пролегают туристские маршруты, — с гостиницами и пансионатами, ресторанами и санк-барми на все вкусы и на любой карман (от немиссимо роскошного до очень скромного). И в стороне от туристских путей — Испания суровая и патриархальная: с белыми селениями, лепящимися на выжженных склонах, и маленькими живописными городками, где каждый знает все о каждом и где под вечер мирно гуляют по центральным улицам целыми семьями. Здесь формула новых, демократических веяний проще и понятней: кто будет избран на муниципальных выборах, которые последний раз проводились сорок пять лет назад?

«ГРЕНАДСКАЯ ВОЛОСТЬ...»

В Гранаду мы попали в «мертвый сезон». В разгар лета город наводняют иностранные туристы, толпами бродящие по скамочной Альгамбре из каменного кружева, загрохотавшие современные бары, оборудованные в пещерах цыган на Сакро-Монте, наполняют разноязычным гомоном сады Хенералифе, заглушая говор фонтанов, заспелых стелющимися испанскими поэтами. Сейчас эти места тоже не пустыют. Они путешествуют теперь, потому что летом испанцу труднее будет пробиться в толпе иностранных туристов, да и не каждый сможет оставить работу — многие будут заняты обслуживанием и обеспечением иностранцев. В этом году Испания ждет 35 миллионов зарубежных туристов из Франции, Англии, скандинавских стран, США. Испанский турист путешествует семейно, с маленькими детьми. Его можно понять: жить в Испании и не повидать Гранаду непростительно. Это ставшее общенациональным чувство передано в стихотворении, начертанном в одном из дворов Альгамбры:

Сжалился над нищим, милостиво подадим — доли на свете нет горше, чем быть в Гранаде слепым.

«Мертвый сезон» острее ощущается своеобразии этого города. Тут, как в Севилье или Кордове, живут семьи андалузских аристократов-помещиков, которым принадлежат огромные угодья в зашихих краях. Уклад местной жизни отличается консерватизмом.

На маленьких улочках в бесчисленных барах много молодежи. Гранада — один из крупнейших университетских городов, здесь живут и учатся около 15 тысяч студентов. Есть своя коренная интеллигенция, настроенная довольно прогрессивно. Социальная «че-

репослосица» приводит к внутренней напряженности, которая ощущается и сейчас. А сорок лет назад она выплилась в глубокую трагедию, наиболее известным и драматическим эпизодом которой было убийство Ф. Гарсиа Лорки. Гранада — один из тех городов, где репрессии против сторонников республики и либералов вообще были особенно жестокими. Память об этом не проходит у друзей, с которыми мы там встретились и которые щедро дарили нас своим гостеприимством, чувствовалась озабоченность возможными будущими поворотами судьбы. Они не говорили об этом впрямую; и все же опустим их имена, хотя очень хотелось бы высказать им признательность и восхищение их убежденностью, мужеством, симпатиями к нашей литературе и культуре.

В Гранаде повсюду сталкиваешься с памятью о Лорке, с памятью, которую франкисты, и в первую очередь местные фашисты, пытались стереть, как кровь со своих рук. В центре города все сохранилось по-прежнему, выросли его окраины. И все же франкистские зодчие умудрились разрушить дом, в котором поэт провел детские годы, и построить на его месте новый. Двухэтажный загородный домик семьи Лорки, однако, уцелел. Здесь прятался поэт от фашистов, прежде чем переехать в дом Росалесес, где его арестовали. Вся семья Лорки после этого, опасаясь репрессий, покинула Гранаду и Испанию, и дом сохранился точно в таком виде, каким он был в конце 1936 года. Многие гранадцы давно мечтают превратить этот дом в музей, однако в начале 70-х годов под предлогом расширения города дом собирались снести. Дело дошло до письма-протеста из Гранады в ООН. Гранадцы с нетерпением ждут предстоящих муниципальных выборов, в частности, и потому, что для них ясно: любовь по меньшей мере здравомыслящего и ответственного перед избирателями руководство провинции и города не допустит такого чудовищного произвола. А пока у власти в Гранаде остаются те, кто правил здесь и при Франко, все возможно...

Поблизости мы и в Фунтевакере, в окрестностях Гранады, — там сохранился дом, где родился Лорка. На доме — мемориальная доска, а под ней — нацарапанная на известковой стене и старательно очищенная надпись. Однако прелесть можно: «Его убили фашисты». Доска была открыта два года назад, в первый официально разрешенный юбилей поэта.

В тот первый дозволенный юбилей Гарсиа Лорки нам позволили собраться только на 30 минут, — рассказывала нам в Мадриде Тина Кальдерон, композитор, живая, артистичная женщина, собравшая огромный архив, посвященный Лорке. — Со всей страны съехались писатели, поэты, деятели культуры, все кому дорого свободное, правдивое слово. А на крышах домов замерли полицейские с пистолетами. Каждый, кому посчастливилось выступить, старался говорить коротко и самое главное. И все-таки мы не уложились в срок. За две лишние минуты власти оштрафовали организаторов на огромную сумму.

И еще один поэт все время вспоминался в Гранаде. Это М. Светлов. Герой его стихотворения мечтал отдать землю гранадским крестьянам. Когда Светлов писал свою балладу, которую знают и в Испании, он не шел от серьезных трудов по аграрному вопросу в Андалузии. Но и сейчас, как тогда, необходимо раздать землю крестьянам «Гренадской волости» и вообще Андалузии — одна из самых насыщенных и сложных проблем. О ней рассказывали нам друзья в Гранаде, о ней пишет испанская печать, говорят по радио и телевидению, выступают депутаты в кортесах. Дело в том, что экономический бум 60-х годов, пусть уродливо, непропорционально и социально несправедливо, но облегчивший материально жизнь многих испанцев, обошел Андалузию, которая продолжает оставаться «золушкой» страны. И сейчас, когда бум сменился глубоким кризисом, ни один район Испании не страдает так от безработицы, недооказания, а порою и просто от голода, как Андалузия. И это проблема глубоко социальная, рассказывали наши собеседники, здесь среди крестьянства накаливается такой запас недовольства и взрывчатого протеста, который может привести в будущем, если не будут приняты меры, к серьезным осложнениям...

Гренадская волость в Испании есть...

Слева за окошком автобуса плотно застроенная туристская держава — Средиземноморское побережье. Огромные, обтекаемой формы, словно океанские корабли, выступающие в море гостиницы-небоскребы. Маленькие, орожденные глухой стеной стилизованные «средневековые» замки свежей постройки. На некоторых, только что отстроенных, гигаантские, высотой в несколько этажей объявления: «Продается». Самый доходный бизнес в Испании сейчас — строительство, самый дорогой товар — земля. А за плотной грядкой построек — знаменитые пляжи Коста дель Соль, Соланчано Берега, пока пустыющие под еще неверным апрельским солнышком...

В Испании побывала делегация Союза писателей СССР. В нее входили члены Смешанной советско-испанской комиссии по литературным связям С. Михалков и Л. Синявская.

Сергей МИХАЛКОВ

МАДРИД, БАРСЕЛОНА, ГРАНАДА

Советском Союзе. Всю жизнь он прожил в Таррагоне, в 70 километрах от Барселоны, и русский язык выучил самостоятельно, для чего каждый день вставал на два часа раньше.

— Так получилось, что первое знакомство с нашей культурой совпало с порою нашей юности. В тридцатые годы появились первые переводы с русского, и мы узнали то, что было создано гениями XIX века. Нравственный накал великой русской литературы, к которой мы прикоснулись в юности, сохраняет для нас свою непреходящую ценность и сейчас. Встреча с русской культурой — как встреча с собственной юностью... В мире, где нравственным идеалам угрожает наступление потребительского общества, мы с надеждой смотрим на вас.

Хуан Рамон Масоливер, хозяин старинной каталонской масии — дома в окрестностях Барселоны, где мы сидели, — говорил, а я невольно, как это часто бывает, когда имеешь дело с испанцами, вспомнил испанскую войну 1937 года. В то время Хуан Рамон Масоливер, молодой журналист, находился в Бургосе, возглавлял департамент франкистской пропаганды. Так начиналась гражданская война для него, человека, долго прожившего за границей и в стихийном всплеске народных масс увидевшего на первых порах только кровь, насилие и угрозу культуре. Однако очень скоро, еще до окончания войны, он разглядел истинное лицо франкизма и стал на сторону тех, кто отстаивал подлинные духовные ценности и челове-

ских связей между нашими культурами. В 1973 году он приехал в Советский Союз в составе первой официальной писательской делегации, принимал первых наших писателей, побывавших в Испании. Теперь он — вице-президент испанской секции Смешанной советско-испанской комиссии по литературным связям, а президент ее — поэт и литературовед, член Королевской академии Испании Гильермо Диас-Плаха, тоже один из энтузиастов нашего сотрудничества в области культуры. За плечами Г. Диаса-Плахи нелегкий путь. Во время гражданской войны он воевал на стороне республиканцев, за что потом поплатился работой и вынужден был на время уехать в Латинскую Америку. Он один из активных сторонников развития наших отношений, по его инициативе в Королевскую академию Испании впервые в истории были избраны членами-корреспондентами два советских писателя — М. Алексеев и И. Тертерян.

«ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД», ИЛИ «СВОБОДА» ВЫРАЖЕНИЯ

Целью нашей поездки в Испанию были встреча с коллегами и обсуждение дальнейшей совместной работы с испанской секцией смешанной комиссии, в правление которой входят Н. Федоренко, К. Симонов, автор этих строк и ответственный секретарь Л. Синявская. На счету этой комиссии уже

был избран прямым голосованием. Но 41 сенатор был назначен непосредственно королем. (После принятия новой конституции все до одного сенаторы будут избираться обычным путем.) Среди этих 41 — два писателя: Камилло Хосе Села, книги которого хорошо известны в СССР, и Хосе Луис Сампедро, чья книга «Рэка, что и нас несет» тоже переведена в Советском Союзе.

С Сампедро мы обедали накануне в небольшом ресторанчике неподалеку от сената, и он рассказал нам, как безмерно был удивлен, когда ему, скромному писателю и преподавателю экономики Мадридского университета, позвонил король и сообщил, что назначает его сенатором. В прекрасные времена, при Франко, писателей не баловали добрым вниманием. Кровавая диктатура, начавшаяся убийством лучезарного поэта Федерико Гарсиа Лорки, впоследствии уничтожившая физически и разметавшая по всему свету многих талантливейших представителей испанской культуры, особо опасалась писателей. Не случайно до последнего времени не существовало в Испании писательских объединений. И книги многих писателей, давно известных в мире, например, братьев Хуана и Луиса Гойтисоло, испанским читателем прочитаны лишь в последние два года.

В сенат мы попали на выступление Пио Кабанильса, министра культуры, посвященное проблеме свободы выражения. Проблема эта, безусловно, имеет много сторон, но одна из них — на поверхности и видна